

УДК 821.111(73)-3.09(045)

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. МИЛОША, Е. КОСИНСКОГО И В. КОЗЬКО

Екатерина Садовская

*Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ, ,
ул. Октябрьская 4-208, г. Минск, Беларусь, 220030,
e-mail:kutka2000@mail.ru*

Произведения, посвященные войне и испытаниям, выпадающими на долю отдельной личности, остаются актуальными и затрагивают такие проблемы, как отношение людей друг к другу, человечность, право на идентичность и самореализацию в жестких условиях. С особой силой это проявляется в произведениях авторов из Восточной Европы, где главным героем оказывается ребенок.

Ключевые слова: военная проза, “литература факта”, Холокост, нравственный выбор, идентичность, Другой.

Актуальность произведений, посвященных войне, остается неизменной. Судьба человечества, прослеживаемая, как правило, на примере отдельно взятого персонажа, дает возможность понять, что испытания, выпадающие на долю человека, не зависят от национальности или религии, а, скорее, от отношения людей друг к другу и права каждого на самоидентификацию и уважение со стороны других людей.

В странах бывшего Советского Союза – стране, наиболее пострадавшей от фашизма, было создано огромное количество книг о войне (В. Астафьев, Г. Бакланов, О. Гончар, Д. Гранин, В. Гроссман, В. Некрасов, К. Симонов, А. Фадеев, И. Шамякин и др.). В наименее затронутой войной Америке многие выдающиеся произведения художественной литературы XX века были также посвящены событиям Второй мировой войны (романы Н. Мейлера, К. Воннегута, Дж. Хеллера, Т. Пинчона, У. Стайрона и др.). Подобный интерес понятен, особенно если учитывать всю трагическую значимость этого события для человечества.

Среди произведений мировой литературы особо выделяются произведения польских и белорусских авторов о Второй мировой войне. Известный российский критик и литературовед Л. Аннинский полагает, что “Пережить такое, заживить в душе такой опыт, сделать так, чтобы этот ужас стал опытом, – вот ноша, которую взяла на себя белорусская литература. Вряд ли найдешь другую, – разве, кроме польской? – в которой слезинка ребенка жгла бы сегодня так страшно” [1, с. 530]. Такой же точки зрения придерживаются и в самой Беларуси: “За белорусской литературой традиционно закреплены две основные темы: война и деревня” [2].

Белорусская земля подарила миру таких выдающихся писателей, пронзительно писавших о войне, как Алесь Адамович (“Партизаны”, “Хатынская повесть”, “Я из огненной деревни”, “Каратели, или Жизнеописание гипербореев”) и Василь Быков

(“Обелиск”, “Сотников”, “Знак беды”), где жестокая правда документа сочетается с глубоким проникновением в проблемы морали и этики. В их произведениях человек постоянно оказывается перед нравственным выбором, который и определяет его истинную ценность. В центре их внимания – не казенный герой, а обычные люди, которые в невыносимых условиях сумели сохранить себя и “не расчеловечиться” (выражение Даниила Гранина).

Польская литература осмысливает героический опыт варшавского восстания, польского сопротивления, ужасы Освенцима и преступления против человечности. Большую популярность приобрела т. н. “литература факта”, где выделяются книги польско-израильской писательницы, обладательницы премий Анны Франк и Альберто Моравиа и уроженки тернопольщины Иды Финк “Лоскуток времени” и “Странствие”. Войну она встретила во Львове и, казалось, была обречена на смерть, но при помощи людей разных национальностей и убеждений сумела выжить и донести правду о страшных испытаниях военного лихолетья. Своему пребыванию в печально известном концлагере Освенцим (Аушвиц) посвятил сборник рассказов “У нас в Аушвице” Тадеуш Боровский. Его книгу “Современный сонник” называют интеллектуальной прозой о войне.

Военная тема поднимается и в произведениях польских писателей, эмигрировавших в США: нобелевского лауреата Чеслава Милоша и его младшего товарища Ежи Косинского.

Все военные годы провел в Варшаве Ч. Милош, где принял сознательное участие в движении Сопротивления, приближая освобождение родины. Когда началась война Е. Косинскому было 6 лет, а В. Козько и вовсе был малышом (род. в 1940 г.). Опыт у всех был разный, и подходы к творчеству у них разные, но степень воздействия их книг на читателей оказалась огромной, потому что тема расчеловечивания личности на войне решалась на судьбах ребенка.

В 1945 г. Ч. Милош выпустил сборник стихотворений “Спасение”. Он был свидетелем уничтожения еврейского гетто, что не только наложило отпечаток на всю его дальнейшую жизнь, но и заставило его одним из первых поднять тему Холокоста. Этому ужасному преступлению нацизма он посвятил одно из своих лучших стихотворений “Кампо ди Фиори”, которое стало символом борьбы с фашизмом. Позже из печати вышел “Бедный христианин смотрит на гетто”. Военные события в значительной степени определили дальнейшее творчество Ч. Милоша. Большую часть своих произведений он посвятил проблеме человечности и выявлению причин трагичности человеческой жизни. Именно за “бескомпромиссное и проникновенное отображение незащищенности человека в мире суровых конфликтов” Нобелевскую премию Ч. Милош получил в 1980 г. “Образ опустошенной земли в военной ... поэзии Чеслава Милоша исключительно условен. В ней отсутствуют конкретные миллионы его соотечественников... И все же у Чеслава Милоша из развеянного праха родилась поэзия, которая не столько воспеваает гнев и горечь, сколько шепчет о вине оставшихся в живых” [3]. Для его произведений характерно стремление философски постигнуть мир, оказавшийся на грани уничтожения. Отдельных прозаических книг, посвященных войне, у него нет. В большей степени его военные впечатления описаны в стихах и в публицистическом произведении “Порабощенный разум”. Вспоминая войну, он говорил: “...произошла встреча европейского поэта с пеклом XX века. И не с первым, а с более глубоким

кругом этого пекла” [4]. По его мнению, войне предшествовало “... разрушение всей системы ценностей, а именно – четкого разделения на добро и зло, прекрасное и безобразное, вплоть до понятия правды...” [4]. В “Порабощенном разуме” он предупреждает о страшной опасности для человечества, исходящей от тоталитаризма, вскрывая причины нацизма: “Нацизм был массовым психозом, однако немецкие массы, которые пошли за Гитлером, пошли за ним не без глубоких психологических причин. У истоков нацизма лежал всемирный экономический кризис и кризис структуры общества. Молодой немец смотрел на распад и хаос Веймарской республики, на унижение миллионов безработных и отталкивающие аберрации культурной элиты, на проституцию своих сестер и на борьбу всех со всеми за деньги. Когда исчезла надежда на социализм, он принял другую предложенную ему философию исторического развития... Он жаждал порядка и чистоты, дисциплины и веры” [5]. Милош был в ужасе от того, что “... в качестве средства принимается завоевание земли силой оружия” [5].

Иной подход выбрал Е. Косинский. Войну он показывает глазами ребенка, который вступает в жизнь, видя насилие и жестокость. Ведь “Должен, должен был кто-то из тех, чью судьбу война поделила так неравно, чье детство оборвалось в самую его невинную пору, в четыре-пять лет, рассказать о детстве и юности людей этого поколения, о том, как входило оно в жизнь, какие мерки для себя выбирало, что ему в жизни дорого” [6, с. 440].

Наиболее ярко эта тема раскрыта в романе “Раскрашенная птица”, в котором рассмотрено тему отчуждения и отчужденности человека в обществе и от общества на примере судьбы маленького шестилетнего мальчика, оставшегося совсем одиноким в страшные годы. Метафорический смысл книги заложен уже в самом названии. Мальчишки любили поймать какую-нибудь птицу, раскрасить ее перья пестрыми красками и вновь выпустить в небо. Птица становилась необычайно яркой и красивой, но ее собратья больше ее не воспринимали – она не была такой, как они, а значит, несла в себе некую опасность. Стая заклевывала таких птиц насмерть. Раскрашенная птица становилась метафорой Другого (инаковости).

Аналогии, проводимые Косинским между поведением птиц и людей, становятся очевидными. Главный безымянный герой романа, оказавшийся в начале войны в деревушке где-то на окраине Восточной Европы, по внешности напоминает цыгана или еврея, что приводит к многочисленным мучениям и издевательствам. У него темные волосы и глаза и “неславянский” нос. В соответствии с понятиями местных крестьян такой ребенок способен навести беду на всех, а потому все стараются от него избавиться. Своей непохожестью мальчик приводит крестьян в ужас, что вполне понятно в ситуации, когда за укрыительство еврея или цыгана их ждет смерть: “... вмешательство чужих протагонистов несет угрозу разрушения внутренней структуре примитивных закрытых сообществ, культурным и аксиологическим нормам и целой концепции порядка во вселенной; это богохульственное насилие над их священными сферами. Движимые коллективным инстинктом выживания, эти группы жестко противостоят такому радикальному пересмотру ментальных и духовных основ их существования”, – пишет известный польский литературовед В. Крайка [7, с. 26]. В деревне, куда ребенок попадает вначале, лишь странная старуха, у которой он живет и которой боятся жители деревни, хоть как-то заботится о нем. После ее смерти ему приходится скитаться по

деревням, и каждый раз его либо прогоняют, либо ему приходится бежать самому, чтобы остаться в живых. Жестокие крестьянские дети избивают его, убивают прирученного им бельчонка, мельник в присутствии мальчика выкалывает глаза своему помощнику... Мальчик пытается усвоить нравы местных жителей, чтобы стать ближе к людям, но это не помогает. Затем он пробует стать одним из них, обращаясь к религии, думая, что именно она объединяет людей, но и тут у него ничего не выходит. Даже вера в Бога не останавливает крестьян от жестоких издевательств над мальчиком. Некоторое понимание и защиту он может найти лишь среди таких же, как и он сам – “раскрашенных птиц”, людей, не признанных обывателями в силу различных причин и отличающихся от остальных манерой поведения, привычками, способом выживания и даже, как в случае с главным героем, внешностью.

Продолжение испытаний героя прослеживается в романе Е. Косинского “Ступени”, в котором главный герой рассказывает о том, как в годы войны мстил крестьянам за все их издевательства над ним. Поражает своим жесточайшим рационализмом и описание концентрационных лагерей, обсуждаемое главным героем и его спутницей: “... нельзя сказать, чтобы концентрационный лагерь совсем не имел ничего общего ни со школой, ни с больницей, ни с вестибюлем в общественном здании, ни с моргом. Отличает его только большая пропускная способность... И потом, лагерь – тоже гигиеническое заведение.

– Гигиеническое? В каком это смысле?

– Видела ли ты, как травят крыс?..

– ...Они дикие, опасные, и поэтому их нужно травить.

– Верно, их нужно травить в гигиенических целях... Мы не убиваем крыс, мы их выводим, или, уж если совсем по-научному, мы дератизируем помещение. Само это слово лишено всякого смысла, оно не имеет никакого отношения к убийству конкретной крысы... За этим словом не стоит никакой символики, никакого ритуала. Вот почему в концентрационных лагерях, которые проектировал мой друг, жертвы никогда не рассматривались как индивидуумы. Они были идентичны, как крысы. Они существовали только для того, чтобы умереть” [8, с. 177]. У главного героя это не вызывает никаких эмоций, рождая их, наоборот, у читателей. Из мальчика-жертвы “Разрисованной птицы” главный герой “Ступеней” превращается в гонителя и мстителя, хладнокровного и расчетливого. Герой Косинского меняется на глазах. Мальчик из “Разрисованной птицы” осознал, что в этом жестоком мире все решает сила: или он должен нападать сам или нападут на него; иначе ему не выжить, и потому он задумывает и приводит в исполнение жестокие планы – скармливает фермера живым полчищу голодных крыс, заставляет маленькую девочку съесть стекло. Его действия по жестокости ни в чем не уступают действиям окружающих его крестьян: “Человек, повествующий об этой истории, является человеком, которым стал ребенок – сознание, почти полностью замкнутое в себе, абсолютно бесстрастный, не испытывающий ни капли жалости в достижении своих собственных целей. От объективизации своих собственных мучений и своего собственного опыта, ребенок переходит к объективизации других людей, воспринимая их как животных или даже просто как вещи” [9, с.156]. Косинский вглядывается в человеческую натуру, пытаясь понять природу насилия. Р. Фейн убежден: “Проза Косинского является свидетельством способности человека изобретать, становиться

свидетелем, переживать, и, наконец, исследовать издевательства над человеческой личностью. В этом отношении это действительно отражение опыта XX века” [10, с. 776].

Почти все ужасные сцены насилия происходят без участия фашистов. Главными инициаторами драмы у Е. Косинского становятся простые крестьяне, но писатель находит причину этого в безысходности их жизни и невежестве: “Деревни в том краю на протяжении столетий пребывали в запустении... Ни школ, ни больниц, ни электричества, кое-где мосты, немного мощеных дорог. Люди жили в крохотных селениях, соблюдая обычаи своих прадедов... Силу закона здесь имело лишь традиционное преимущество сильных и богатых над слабыми и бедными. Распавшийся на католиков и православных народ объединяли только глубоко укоренившиеся суеверия да бесчисленные болезни, одолевавшие и людей и скотину... Земля была неплодородной, климат – суровым... Немецкая оккупация этой части страны лишь усугубила ее нищету и отсталость. Немалую долю своего скудного урожая крестьянам приходилось отдавать, с одной стороны, немецким войскам, с другой – партизанам” [11, с. 7].

Книга Е. Косинского вызвала шок, и в течение нескольких десятилетий произведения писателя были запрещены в Польше. Однако важно понять, что писатель вовсе не пытался представить польских крестьян монстрами, а использовал их образы для иллюстрации поведения неграмотных суеверных людей в условиях постоянного стресса и ужаса, вызванного войной, отразив изменения человеческой сущности под влиянием стадного чувства и показав, как страшен и опасен может быть коллектив для отдельно взятой личности. Верно заметил Э. Фитцджеральд, что “Разрисованная птица” и “Ступени” “...не только отходят от привычной трактовки войны по формальным и техническим характеристикам, но также и по своим основополагающим представлениям о войне и ... человеческой жизни” [9, с. 2]. В отличие от Адамовича, Быкова или Гранина Косинский сконцентрировал внимание на расчеловечивании, которое особенно явно проявляется в критические моменты. Тоталитарная детерминация людей в такие решающие моменты истории, как Вторая мировая война, меняет человеческую психологию и людское поведение. Жажда выжить деформирует нравственные начала личности, которая перестает быть свободным индивидуумом. Результатом становится деформированная психика и постоянная готовность дать отпор, всегда быть против всех, а также параноидальное стремление отомстить своим обидчикам, кто бы они ни были. Появившись почти ниоткуда, протагонист творит собственную историю и свою личность. Став игрушкой судьбы и истории, мальчик из “Раскрашенной птицы” должен заново создавать себя, не надеясь на чью-либо помощь. Насилие является единственным выходом для накопившейся отрицательной энергии. То, что он пережил, “...похороненный Ольгой, скованный Плотником, подвешенный Гарбосом, запертый Макаром, преследуемый толпой...” [10, с. 212], **может очень легко сломать и взрослого**. Мальчик убеждается в том, что “...люди сами определяют ход своей жизни и являются единственными хозяевами своей судьбы. Вот почему каждый человек сам по себе важен и почему очень многое зависит от того, знает ли он, что надо делать и к чему стремиться” [11, с. 227]. Ежи Косински хочет заставить читателей задуматься над вопросом: “Почему так происходит?”, считая, что здесь сплелось много разных компонентов – страх, постоянное нервное напряжение, беспомощность, стремление обрести власть над более слабым и тем самым отомстить за свои унижения. Насилие

переходит из разряда чего-то экстраординарного в норму жизни. Люди больше не ужасаются садизму и жестокости, а принимают это как неотъемлемую часть своей жизни.

Американское общество не пережило подобных ужасов, и поэтому Е. Косински столь откровенно натуралистичен в описании жестокостей военных лет, пытаясь “зацепить” американского читателя осознанием ужасов войны и смерти. Необходимо противостоять охватывающей все более широкие слои общества атомизации, в противном случае она вызовет серьезные нравственные последствия. То же делал и Ч. Милош, который считал, что необходимо показать миру другую Европу.

Белорусский писатель Виктор Козько (род. 1940) – почти ровесник Косинского. Он вырос на обильно политой кровью земле Беларуси и с ранних лет впитал ее боль. В повести “Судный день” он также обратился к теме оборванного войной детства. Место действия – небольшой белорусский городок. Время действия – десять лет спустя после войны. Коля Летечка (у Косинского герой не имеет имени, у Козько имя мальчику дало в детдоме, своего он не помнит) маленьким ребенком попал в концлагерь, где содержались дети-доноры, у которых брали кровь для немецких солдат. Ни матери, ни отца он не помнит. А те нечеловеческие душевные и физические страдания, которые он испытал, вообще отнимают у него память о прошлом. Через десять лет, случайно попав на судебное заседание и слушая показания бывших полицейских-карателей, мальчик вспоминает все, что с ним произошло. Страшное прошлое оживает – и убивает мальчика. “Мама, спаси меня!” – закричал он на весь зал, как кричали на всю землю в том далеком сорок третьем тысячи и тысячи его сверстников, безнадежно вопрошая:

“Куда гонят нас, баба?”

– Известно куда, дочка... Ты, может, и выживешь, а меня – в печь. Человечина, говорят люди, горит хорошо, как смоловые поленья сухие... Дым только черный...

– От кого же наши беды, баба?

– От человека, от человека все идет”. [13]

Понимание жизни к детям приходит через подобный страшный опыт, оставляя незаживающий шрам. Как и Е. Косински, В. Козько понимает, что не все можно запомнить или вспомнить, “Не все могла принять и вместить в себя детская память. Почти ничего не могла она объяснить ему. Она принимала в себя и откладывала, как в архив, на долгое хранение предметы, запахи, цветы. Из них складывался свой, никому не доступный мир, в котором реальностью была война, а остальное придумывалось” [13].

Анализируя поведение людей, которые пришли на суд полицейских, белорусский автор четко подмечает, что “... большинство спешили в этот зал, чтобы вынести свой человеческий приговор, чтобы еще раз сказать, что они ничего не простили и никогда не простят, что они памятливые, пусть знают об этом все, у кого есть основания бояться их памяти, кто рассчитывает на время, на забвение. Каждому человеку, каждому его поступку есть, будет судный день и судный час...” [13]. О нравственном выборе – произведения В. Козько с его молодыми героями и жестокой правдой жизни. Но в отличие от Косинского белорусский писатель выделяет тот нравственный стержень, который позволяет человеку оставаться человеком даже в нечеловеческих условиях.

Произведения представителей разных культур исследуют своих героев, которые вынуждены выживать в обстоятельствах, ставящих под вопрос само выживание человечества и проверяющих на прочность моральные ценности всего человеческого

сообщества. Одни сумели сохранить достоинство вопреки обстоятельствам, другие стали их жертвой. Только через диалог культур, признавая и уважая существующие различия и синтезируя лучшее, накопленное веками на Западе и Востоке, возможно преодолеть непонимание и выйти на новый уровень взаимоотношений между людьми. События Второй мировой войны все более отдаляются от нас, но нельзя забывать о ее уроках, которые с такой художественной силой выражены в творчестве писателей Беларуси, Польши и США.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козько В. А.* Судный день. Приложение к журналу “Дружба народов”. – М.: Известия, 1982. – 544 с.
2. *Рублевская Людмила.* Деревенская проза: будет ли второе дыхание? // Советская Белоруссия. Режим доступа: <http://sb.by/print/post/119792/> Дата доступа: 05.08.2011.
3. *Бродский Иосиф.* Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/brod.html> Дата доступа: 30.09.2011.
4. *Брюо В.* Между Россией и Европой. Чеслав Милош о Польше, России, Европе. Режим доступа: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article117&lang=fr>. Дата доступа: 30.09.2011.
5. *Чеслав Милош.* Бега – несчастливый любовник. Режим доступа: <http://www.pergam-club.ru/book/export/html/5659>. Дата доступа: 30.09.2011.
6. *Козько В. А.* Здравствуй и прощай. Повести. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 448 с.
7. *Krajka Wieslaw.* The Motif of Isolation in the Works of Joseph Conrad and Jerzy Kosinski // Jerzy Kosinski Man And Work at the Crossroads of Cultures / edited by Agnieszka Salska and Marek Jedlinski. – Łódz: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. – P. 23–34.
8. *Косинский Е.* Ступени: Романы, повесть. / Пер. с англ. и предисл. И. Кормильцева. – М.: Б.С.Г.–ПРЕСС, 2001. – 416 с.
9. *FitzGerald Ellen.* World War II in the American Novel: Hawkes, Heller, Kosinski, and Vonnegut / A Dissertation. Submitted to the Graduate School of the University of Notre Dame in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. – University of Notre Dame, 1974.
10. *Fein Richard J.* Contemporary Novelists. 2nd edition. / Editor James Vinson. – London: St. James Press, 1976.
11. *Косински Е.* Раскрашенная птица. Санкт-Петербург: Амфора, 2000. – 286 с.
12. *Jack Hicks.* In the Singer’s Templeю Prose Fiction of Barthelme, Gaines, Brautigan, Piercy, Kesey, and Kosinski. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1981.
13. *Козько В.* Судный день. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/182990/read>. Дата доступа: 30.09.2011.

Стаття надійшла до редколегії 22.10.2011

Прийнята до друку 02.11.2011

**A MAN IN WAR IN WORKS OF CZ. MILOCZ,
J. KOSINSKI AND V. KOZKO**

Jekaterina Sadovskaya

*Institute of Business and Management Technology BSU,
Str. October 4-208, Minsk, Belarus, 220030,
e-mail: kutka2000@mail.ru*

Literary works about war and sufferings of people during the war are still urgent and deal with such issues as people's attitudes to each other, humaneness, the right to identity and self-realization in rigid conditions. This has been especially obvious in the works of authors from Eastern Europe where the protagonist is a child.

Key words: war fiction, "literature of fact", Holocaust, moral choice, identity, AnOther.

**ЛЮДИНА НА ВІЙНІ В ТВОРЧОСТІ Ч. МІЛОШ,
Е. КОСИНСЬКОГО І В. КОЗЬКО**

Yekaterina Sadovskaia

*Інститут бізнесу та менеджменту технологій БДУ,
вул. Жовтнева 4-208, м. Мінськ, Білорусь, 220030,
e-mail: kutka2000@mail.ru*

Твори, присвячені війні та випробувань, що випадають на долю окремої особистості, залишаються актуальними і зачіпають такі проблеми, як відношення людей один до одного, людяність, право на ідентичність і самореалізацію в жорстких умовах. З особливою силою це проявляється в творах авторів зі Східної Європи, де головним героєм виявляється дитина.

Ключові слова: військова проза, "література факту", Голокост, моральний вибір, ідентичність, Інший